

УДК 811: 002. 703.0

DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-1-144-152

Ирина Викторовна Ерофеева¹,

доктор филологических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александрово-Заводская, 30),
e-mail: irina-jour@yandex.ru

Владимир Николаевич Бочарников²,

доктор биологических наук, профессор,
Тихоокеанский институт географии
Дальневосточного отделения Российской академии наук
(690041, Россия, г. Владивосток, ул. Радио, 7),
e-mail: vbocharnikov@mail.ru

Охота как рефлексия человека в концептуализированной сфере дискурса специализированных журналов

В статье представлен лингвокультурологический анализ дискурса журналов «Основной инстинкт», «Русский охотничий журнал», «Сафари». Представлена этимология концепта *охота*. На основе анализа более 70 медиатекстов разных жанров, опубликованных с 2003 по 2017 год, выделены основные фреймы концептуального поля *охоты*: как востребованного географического пространства; как социально-культурного конструкта, отражающего потребности охотника в прямом и косвенном контекстах. Дана характеристика выявленным фреймам концептуализированной схемы *охота*, одновременно репрезентирующим личностные конструкты и национальную модель мира. *Охота* как концепт раскрывает различные уровни насущных потребностей человека, опредмечивает источники его активности как личности, отражает иерархию ценностей конкретного человека и в целом общества – некоторые единые убеждения, идеалы, склонности и интересы. В результате концептуализированная схема *охота* состоит из ряда фреймов многопланового характера: рекреационного (охота как вид досуга и отдыха); природного (охота как базовая потребность в пище, защите, в реализации агрессивного инстинкта – выслеживание и преследование дичи); социального (охота как социальная занятость, как демонстрация определённого статуса, как профессия, приносящая доход); культурного (охота как ритуальное действие, как традиция отдельных народностей). Медиадискурс об охоте демонстрирует рефлексии человека о важных категориях его бытия, раскрывает отношение человека к себе и другим. Ключевым образом, аккумулирующим когнитивный инвентарь концепта, является личность охотника, в качестве ядерного конструкта выступает сема «пробуждения личностного потенциала посредством охоты», узнавание и открытие себя в общении с природой. Личность и охота непременно связаны через категории творчества и свободы, а также – непреодолимой дихотомией жизни и смерти.

Ключевые слова: медиатекст, охота, концепт, фрейм, национальная модель мира, самопознание, личностная репрезентация

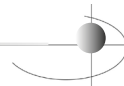
Введение. Медиадискурс об охоте – с одной стороны, контент для узкой заинтересованной аудитории, с другой – сама охота является неким символическим пространством, исходные смыслы которого «потеряны» в далёком прошлом. Она предстаёт уникальным феноменом современности, в своём «длениии», имеющем историю, соизмеримую с существованием не только человека, но и всего живого. Охота продолжает существовать как глубокая идея, выражающая базовый биологический смысл жизни – необходимую агрессивность и адаптацию к окружающей среде, что не всегда осознаётся, но бессознательно

репрезентируется в языке современного человека.

Для большинства потребителей СМИ очевидно, что охота есть природный феномен, и направлена она на выслеживание и преследование дичи, это инстинкт, присущий далеко не только человеку (существуют и «хищные растения»). Но в процессе исследования мы столкнулись с интересным фактом, в медиадискурсе журналов агрессивный инстинкт охотника вербализируется через положительные коннотации социального характера, например, через историю семьи: «Отец мой был (и остался несмотря на

¹ И. В. Ерофеева осуществляет сбор, анализ материала исследования, оформляет статью.

² В. Н. Бочарников осуществляет сбор, анализ и систематизацию материала исследования.

возраст и болячки) заядлым охотником, так что приобщали меня с детства. Но, будучи честен, тогда охота никакого энтузиазма не вызывала. Жизнь была если не голодная, то уж, во всяком случае, небогатая, и охота носила абсолютно утилитарный характер, т. е. рассматривалась исключительно как способ добычи мяса к столу»¹.

Создание и восприятие медиатекста неразрывно связаны с проблемой интерпретации действительности. В рамках современной когнитивной лингвистики [1; 4; 5; 10; 11; 12; 14; 15; 19; 20] концептуальное поле текста есть результат творческой работы языковой личности автора, которая в процессе восприятия и интерпретации действительности использует сложившиеся в течение длительного времени когнитивные модели национальной культуры [10]. Широкий пласт реальности создатель текста делит на части, концептуализирует, выделяет наиболее актуальные элементы, соответствующие его персональным представлениям и обусловленные национальной картиной мира.

А. Вежбицкая указывает на особую значимость ключевых слов для отдельно взятой культуры, и таковые «могут анализироваться как центральные точки, вокруг которых организованы целые области культуры» [4, с. 283–284]. Данные центральные точки представляют собой ни что иное, как языковые стереотипы, характерные для определённой нации и культуры, при активизации которых в мозгу человека высвечивается вся когнитивная карта, семантическая сеть, позволяющая обозначить специфические черты того или иного понятия.

Конкретные формы поведения и деятельности, проявления сознания людей, начиная с архаичных в филогенезе и самых элементарных в раннем онтогенезе, могут быть акультурными (или, по-другому, – безкультурными, с точки зрения современного человека, т. е. противоречащими требованиям и нормам официальной культуры), но только не внекультурными. В отношении последнего, следуя Г. Гачеву [6], можно отметить, что каждый народ хранит и транслирует в своём бытии определённые идеи и смыслы, имеющие многие конкретные привязки к территории, культуре, эпохе и т. п.

Методология и методы исследования. Целью статьи является лингвокультурологический анализ концепта *охота* в дискурсе специализированных журналов с точки зрения объективации доминирующих идей

и смыслов данной концептуальной схемы. Эмпирическую базу исследования составили более 70 текстов журналов «Основной инстинкт», «Русский охотничий журнал», «Сафари» (в т. ч. «Магия настоящего сафари») за 2003–2017 годы. Общий объём выборки – 141 номер.

В качестве объекта анализа был выбран лингвистический инструментарий общего медиатекста – целостные образы (гештальты) текста, а также художественно-публицистические средства: метафоры, сравнения, гиперболы, ирония и другие тропы, акцентирующие вторичные смысловые оттенки концепта, расширяющие выделенные конструктивные рамки, демонстрируя многоаспектность и многозначность феномена охоты. Несмотря на различие указанных оснований анализа, объединяющим фактором выступила нравственно-эстетическая составляющая, раскрывающая моральные и нормативные аспекты отношения к охоте.

Особый акцент был сделан на жанре интервью, позволяющем аккумулировать речевые конструкты мыслительной деятельности как героя материала – любителя-охотника или профессионала, так и журналиста – организующего процесс беседы и результирующего его возможные итоги. В жанре интервью журналист является посредником, а интервьюируемый предстаёт как «эксперт жизни». Специфика интервью заключена в его возможности воспроизводить точку зрения и ключевые смыслы разных представлений об охоте. Текстовое пространство интервью содержит ёмкое изложение высказываний героя, сохраняющего его личностную специфику, а также отношение самого журналиста к обсуждаемому факту и ключевые символические составляющие концепта «охота», закреплённые в национальном менталитете участников диалога.

Этимология слова охота берёт своё начало в восточно-славянской ветви, корневая система слова подчёркивает сему «хотеть», «хочу» (укр. *охота*, пол. *ochota* – «охота, воля, весёлое расположение духа»). В данном контексте *охота* есть состояние страстно желающего человека, его ярко выраженная склонность или стремление, слепая любовь к занятию (ср.: «мне охота, хочется купаться, есть, гулять...»²). Слово об-

¹ Русский охотничий журнал. – 2012. – № 10.

² Паремнологоический комплекс русского языка акцентирует аналогичные семы: Охота пуще неволи; Охота смертная, да участь горькая; Охоту тешить – не беду платить; Поработаешь до поту, так и поешь в охоту; Голодному Федоту и щи в охоту; Была бы охота: найдём доброхота и др.

разовано от утраченного *хота* – «желание». В этимологических словарях высказывается предположение, что это слово – табу; отправляясь на промысел, наши предки-язычники считали опасным предупреждать добычу, боялись спугнуть зверя и говорили, что уходят на охотное и желаемое дело. Данная идея определила вектор развития семантического поля слова «охота».

В научных статьях современных исследователей [7; 8; 16] подчёркивается национальное своеобразие концептуального поля *охоты*. Данный концепт включает в себя идею значимости и ценности отечественной жизни, её природы, культуры, истории и судьбы каждого человека. Конструкт *охоты* неразрывно связан с конструктом *природа-земля*, их несомненная взаимозависимость обуславливает некую универсальность концепта *охота*, раскрывающую потенциал самого человека и дающую возможность рассматривать охоту как сущностную часть этнокода *Homo sapiens*.

Охота для человека равна природе, и для того чтобы добывать, как и выживать, человеку требуется совершить особое деяние – заключить договор с пространством. Человек взаимодействует с пространством и временем непрерывно на протяжении всего своего существования. Пространственность заложена в человеке, он должен быть «внутри» места, как бы погружённым в него, чтобы иметь возможность наделить его смыслом.

Концептуальное поле *охоты* демонстрирует условие договора человека с пространственным континуумом, раскрывает его глубокое понимание мира и самого себя изнутри. ПриРОДа – когнитивная площадка для самоанализа и рефлексии. В российской картине мира отношение к субстанции земли всегда отличалось особым трепетом. На Руси говорили «Государь – батька, земля – матка», народный заговор гласил: «Ты, небо-отец, ты земля-мать». Землём клялись, кладя её себе на голову. Перед землём винулись за то, что рвут её грудь сохою. У земли праздновались именины – на Симона Зилота (10 мая). Уже в «Повести временных лет» живое существо земли представлено как «рождающее начало», как источник всего сущего, сакральная близость человека и природы нашла отражение в многочисленных произведениях русской литературы и живописи.

Образ матери – сырой земли (женственной берёзки, могучего дуба и т. д.) встречается в былинах, пословицах и сказках, знакомых каждому с детства. «Святая Русь»,

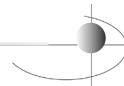
исполненная благоволения, как устоявшееся название нашей страны, обусловило распространённую лексическую цепочку «священная обязанность и долг, священная война, священный трепет и восторг». Гештальт России объединяет три образа: Мать Божья (мать, которая дала человеку жизнь в муках) – Мать-Земля (святая, непорочная, живородящая) – Невеста и жена¹ (которую человек оплодотворяет своим логосом, своим мужественным, светоносным и оформляющим началом).

В нашей национальной картине мира бесконечный простор российской земли никогда не сужался до уровня географического объекта. Потребность души нашего человека не просто творить на земле, а страдать и мучиться на духовных дорогах земного бытия. Мать сыра-земля, природа (природина) в России, – пишет Г. Гачев, – «мистическая субстанция, текст, скрижали завета, которые народ призван п(р)очитать, понять и реализовать в ходе истории на своей земле» [6, с. 217].

Результаты исследования и их обсуждение. Охота встроена в семантику знаковых реалий природы, она задействует духовное устройство бытия, когнитивную систему чувств и разума, души и тела, части и целого, природы и человека. И поэтому не случайно, что природа, «увенчанная родным словом» [15, с. 510], становится одной из доминирующих тем медиадискурса об охоте. Величие земли, её *бескрайние просторы* и несметные природные богатства, ослепительная красота лесов, степей, озёр и рек – частотные образы медиатекста. Ассоциативно-семантическая сеть данной темы структурируется архетипами «подарок», «чудо» и «храм»²: *подарок природы, храм величия природы, великая природа Енисея, уникальный сюрприз, искусный подарок природы, пронзительные песни весенней зари как чудо, сказочная рыбалка, внезапное/чудесное спасение, чистойшая энергия природы, красивейшая картина на грани лета и осени, нетронутая земля* и др. В медиадискурсе плотность лексической макроструктуры конструкта *природы* достигается за счёт экспрессивно-оценочных средств и приёма олицетворения: *искренняя, живая/оживающая, живописная, восхитительная, прекрасная природа/земля; изобилие, про-*

¹ Ср.: «О, Русь моя! Жена моя! До боли Нам ясен долгий путь!» (А. Блок).

² Здесь и далее результаты контент-анализа журналов «Русский охотничий журнал», «Основной инстинкт» за 2014–2017 гг.

буждение, расцвет, сон, общение природы/земли¹.

Тем не менее, медиадискурс содержит критические материалы о несовершенстве закона и браконьерстве («Дыра в законе – дыра в природе»; «Бараны, которых продал губернатор»²; «Кто мы такие? В зеркале трофейной охоты»³; «Лимиты, квоты, нормы, нормативы»⁴; «История про охоту – это еще и история про сохранение животного мира»⁵ и т. д.). Николай Бердяев писал, что земля есть и образ дитяти [2, с. 33], так как она требует особой заботы, любви, внимания.

Обращаясь к дикой природе, человек попадает на территорию познания смыслов. Любая связь с миром – игра, в которой образы реальных предметов выступают лишь как метки и символы, дающие повод для работы фантазии, для того чтобы включилась вся память, для того, чтобы мир ожил, начал двигаться, обнаружил свою скрытую глубину, свои невидимые стороны. На природе, в этой существующей без нас естественной слаженности, человек начинает осознавать себя по-новому, он чувствует глубинное проникновение во что-то необычное. Он возвращает потерянную в социуме свою настоящую чувствительность и индивидуальность, становится способным на откровение и познание сокровенного. В общем медиатексте концепт охота предстаёт как определённый социально-культурный конструкт, отражающий насущные потребности охотника и в целом человека, как в их осознанном прямом выражении, так и косвенным образом – в контексте некоего высказывания, мнения, осмысления опыта. Коцептуализированная сфера охоты объективирует актуальные желания и ценности, в атмосфере общения с природой и родной землёй раскрывается личностный потенциал человека.

Охота пробуждает коллективистское сознание и возвращает к истокам бытия и ценностям семьи. Только в природе мы вновь возвращаемся к себе, к своему внутреннему Ребёнку, к себе – естественному, первобытному человеку, к себе, вспомнившему прошлую жизнь, родственные поколения, далёкие эпохи. На страницах журналов интервью-

¹ Наиболее часто актуализированные лексемы по результатам случайной (вероятностной) выборки 2014–2017 гг.: журналы «Русский охотничий журнал», «Основной инстинкт».

² Русский охотничий журнал. – 2017. – № 10.

³ Там же. – 2016. – № 10.

⁴ Там же. – № 8.

⁵ Русский стиль по Степану Боброву // Русский охотничий журнал. – 2016. – № 2. – С. 52.

ированные часто рассказывают о семейных традициях и о своём детстве: «На Украине жил мой дед-охотник, он-то меня и приохотил»⁶. Или: «Мне тогда было 15 лет, и меня к этому занятию приобщили отец и дядя. У отца было ружьё, а дядя был тогда одним из самых известных охотников Калининской (ныне Тверской) области»⁷. Как правило, охота имеет этнические корни, обусловлена народной психологией и отражает национальное самосознание, ей присущ неповторимый духовный облик: «Редко, какой якут – не охотник и не рыбак, это у нас в крови, в генетике. Другой разговор, что исторически охота и рыбалка были в Якутии не отдыхом или развлечением, а способом добычи пищи. И отношение к процессу выработалось су-убо рациональное»⁸.

В исследовании при семантическом анализе интервью было выделено 134 выражения, которые репрезентировали потребности человека. Почти четверть от всех высказываний была связана с потребностью в уважении и самоуважении, а также с социальной потребностью человека, с чувством любви к самым близким (родителям, дедушкам, дядям) и признательности к людям, кто был наставником в искусстве охоты.

Герои интервью посредством охоты раскрывали отношение к себе и другим: «Понимаю, что хозяева старались выставить зверя на гостя, то бишь на меня. Спасибо им за почёт и уважение, но, если честно, я даже рад, что не получилось ... Я не большой поклонник «генеральских» загонов. Недаром говорят, что на охоте и в бане все равны»⁹.

Пространственно-временной континуум природы пребывает по законам вечности, согласно неизменным табу гармоничного существования. Иная территория дикого мира предъявляет свои требования и порождает ценностную рефлексию, расширяя «внутреннее Я» человека. Монологи охотников представляют собой интенсивную работу со смыслами, выстраиваются на основе аксиологии жизни, на рефлексии по отношению к ключевым смыслам бытия:

1) к ядерным конструктам: **хорошо – плохо, добро – зло**. Охота как увлекательная деятельность связана с устремленностью познать, почувствовать и отождествить

⁶ Владимир Рушайло: Охотничий кодекс надо читать // Основной инстинкт. – 2012. – № 3. – С. 61.

⁷ Юрий Лужков: О логике жизни и логике охоты // Основной инстинкт. – 2012. – № 1–2. – С. 60.

⁸ Герман Арбугаев: Занимаюсь любимым делом // Основной инстинкт. – 2012. – № 1–2. – С. 56.

⁹ Там же.

себя с первосмыслами жизни и мироздания, она регламентирует нравственные нормы и предоставляет человеку возможную свободу выбора: «Медведь с подхода – это серьёзная охота... И в ней тоже нужна определённая избирательность... Во-первых, желательно мелкого зверя не стрелять. Во-вторых, естественно, медведица с медвежатами как трофей тоже не рассматривается. Ну и, наконец, на берлоге я принципе не хожу. Я считаю, что охота на берлоге – чистое убийство: шансов у зверя нет никаких»¹.

Классическая для русской литературы тема «душевного человека» разворачивает медиаповествование об охоте. В Литве было взято интервью у охотника-священника, который поделился: «Охота меня научила уважать зверя, уважать природу, уважать всё то, что Господь нам подарил, то, что для нас создал. Ведь это такое чудо, которое, к сожалению, большинство людей просто не замечают»². Результирующие утверждения морального толка выстраиваются за счёт категорических суждений и рекомендаций: «отрицательные эмоции, нажимая на курок, ты обязательно испытываешь»; «живое – есть живое»; «лучше не взять никакой трофей, чем пусть даже случайно попасть в самку»; «у каждого охотника должно быть своё отношение к делу»; «главное не нарушать правила»³; «если убивать на охоте, то только лишнее, что мешает природе»⁴.

Утилитарные задачи также выполняются иначе, конструкт законного обоснования охоты часто встроен именно в аксиологическую схему: «Не думаю, что кто-то в тундре задумывается о дневной норме добычи. А вот нравственные нормативы были у нашего народа всегда. Ни дичи, ни рыбы якуты никогда не добывали больше, чем могли приготовить или съесть. А вот гостям нашим... иногда приходится на сплавах объяснять, что не следует после себя оставлять горы гниющей рыбы. Возьми, сколько нужно на уху, а остальных отпусти»⁵;

2) к **чести**: например, в условиях соперничества на равных: «Хотя я немало охотился и охочусь на кабанов..., главным охотни-

чим зверем для меня всегда был медведь. Это достойный соперник, как ни посмотри, – умный, сильный, осторожный, опасный! Охочусь на него «на овсах». К охоте на берлоге всегда относился отрицательно»⁶. Мир дикой природы равен коллизиям социума, общение с ним олицетворено, персонально и наглядно: «К волку как таковому я отношусь довольно сложно. То, что известно о кодексе поведения волчьей стаи, считаю очень интересным. С одной стороны, волк – это зверь, который вызывает уважение, поскольку умён, расчётлив, умеет работать в команде, а с другой стороны, ему присуща в буквальном смысле звериная жестокость: если попадёт в стадо, вырежет всех»⁷;

3) к **страху**, который в парадигме «жизни и смерти» резко обостряет нравственную идентификацию человека: «И вдруг я почувствовал, что кто-то на меня смотрит. Я увидел два глаза, но кто это понять не мог. Как потом выяснилось, передо мной в кустах был кабан. Он так постоял, на меня посмотрел, а потом как понёсся в глубь леса, ломая кусты! А я всё стоял с ружьем и не знал, что мне делать»⁸;

4) к **удаче**, непредсказуемой и всегда ожидаемой, являющейся залогом успешной охоты: «Barbary sheep – Удача с третьей попытки. Вот насколько по-разному даются охотнику их трофеи! Кто-то тратит дни и даже месяцы в поисках достойного экземпляра, а сталкивается со своей вождельной охотничьей мечтой совсем не там, где искал, и тогда, когда надежды почти не осталось»⁹;

5) к **отдыху** («дыханию жизни»). Исконным духовным инвентарём этимологии охоты остаётся сема «желания», поэтому одним из ключевых фреймов концепта является именно «охота как отдых». В данном смысловом поле активно репрезентируются ценности. Например, коллективистский дух охотника: «На загонные охоты ездите в определённой компании? – Да, конечно. Охота – это отдых, возможность сбросить всё ненужное и зарядиться положительными эмоциями»¹⁰. Или забота о здоровье своего тела: «Охота даёт мне возможность провести время на воздухе

¹ Герман Арбугаев: Занимаюсь любимым делом // Основной инстинкт. – 2012. – № 1–2. – С. 56.

² Саулюс Филипавичус: Охота для меня – это просто способ жизни // Основной инстинкт. – 2011. – № 1–2. – С. 64.

³ Владимир Рушайло: Охотничий кодекс надо читать // Основной инстинкт. – 2012. – № 3. – С. 64.

⁴ Юрий Лужков: О логике жизни и логике охоты // Основной инстинкт. – 2012. – № 1–2. – С. 61.

⁵ Герман Арбугаев: Занимаюсь любимым делом // Основной инстинкт. – 2012. – № 1–2. – С. 56.

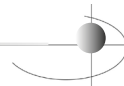
⁶ Юрий Лужков: О логике жизни и логике охоты // Основной инстинкт. – 2012. – № 1–2. – С. 61.

⁷ Владимир Рушайло: Охотничий кодекс надо читать // Основной инстинкт. – 2012. – № 3. – С. 64.

⁸ Саулюс Филипавичус: Охота для меня – это просто способ жизни // Основной инстинкт. – 2011. – № 1–2. – С. 61.

⁹ Русский охотничий журнал. – 2012. – № 10.

¹⁰ Владимир Рушайло: Охотничий кодекс надо читать // Основной инстинкт. – 2012. – № 3. – С. 64.

в лесу, отвлечься, отдохнуть, подвигаться, продышаться, поднабрать здоровья»¹;

б) к **материальному обогащению**, доходу. Охота в России, особенно на пушного зверя, была одним из важнейших источников благосостояния населения. Проведённый анализ дискурса журналов позволил обратить внимание на ещё один фрейм «охота как социальная занятость, как профессия, приносящая доход». Превалируют экспрессивно-оценочные коннотации крайней необходимости подобной деятельности: «*Это способ заработать себе на кусок хлеба, себе и своей семье... Для некоторой части людей охота в самом прямом смысле остаётся источником существования*»²; «*Охота сегодня, как и много лет назад, позволяет обеспечить качественное питание себе и своим близким*»³; «*Всё по правилам, как положено: то, что добыто из съедобного, должно быть съедено. Стреляем ведь не ради баловства*»⁴.

В целом в доминирующих информационных потоках **ценность собственной личности традиционно измеряется результатами охоты**. Знаменательные трофеи символизируют не только коэффициент полезного действия, но и сумму личностных качеств охотника: «*Я не могу причислить себя к настоящим «трофейщикам»*». И далее следует переход к детальной предметной характеристике ценностной сути этого типа охоты: «*Понимаю, что у секача главный показатель – зубы, но сам по старинке оцениваю по весу. Самый большой «потянул» далеко за двести. Серьёзный был зверь*»⁵. Значимость трофея напрямую зависит от вложенных усилий охотника, от его стараний, усердия, искусства и мастерства: «*Самый памятный трофей ...тур, добытый в Осетии на сумасшедшей высоте в три с половиной тысячи метров – егеря говорили, что туда ни один приезжий охотник не забирался... Второй трофей – слон, которого я стрелял в Зимбабве в штык с 15 метров. Он бросился – сначала инстинктивно в нашу сторону, потом увидел и уже конкретно на нас*»⁶.

¹ Юрий Васильев: Не завидую тем, кто равнодушен к охоте // Основной инстинкт. Охота и рыбалка по всему миру. – 2010. – № 11. – С. 55.

² Русский охотничий журнал. – 2012. – № 10.

³ Саулюс Филиповичус: Охота для меня – это просто способ жизни // Основной инстинкт. – 2011. – № 1–2. – С. 63.

⁴ Владимир Рушайло: Охотничий кодекс надо читать // Основной инстинкт. – 2012. – № 3. – С. 62.

⁵ Михаил Пореченков: Мужик должен быть мужиком! // Основной инстинкт. – 2012. – № 3. – С. 45.

⁶ Владимир Мельников: Помнить о том, что существует рядом охотник // Основной инстинкт. Охота и рыбалка по всему миру. – 2007. – № 1. – С. 40.

Интервьюированные рассказывают об уникальной роли охоты, значительно **обогащающей их жизнь**. Занятие охотой погружает в первозданный мир природы, пробуждает детские чувства восхищения красотой многогранной земли, является живительным источником новых смыслов, идей и решений, открывает истинные возможности человека. По меткому замечанию одного из интервьюируемых, «охота укрепила мое понимание того, что мир не делится на чёрный и белый»⁷. Охотники называют это чудом – настоящим слиянием с миром, глубоким пониманием его изнутри. Охота в дикой природе меняет человека физически, развивает его социально и ментально. В противовес мнимой свободе современной цивилизации, через конфликт с прагматическими интересами мегаполиса, природа воспитывает мудрую цельность в стилистике чистого «возДУХа». Герои медиатекстов признаются: «*Охота в моей жизни потянула за собой целую цепочку вещей. Не могу сказать, что в обычной жизни увлекаюсь фото– и видеосъёмкой. А на охоте у меня всегда и видеокамера, и фотоаппарат... Фото и видео в свою очередь вызвали желание овладеть компьютером, а это соответственно, повлекло за собой фотоальбомы и короткометражные фильмы, которые мы сами делаем*»⁸.

Подобные сюжеты жизни маркируют принадлежность человека к живому миру природы, который делает его лучше и совершеннее: «*Мы с супругой после учёбы получили распределение в Тикси... И интерес к путешествиям, открытиям, охоте, рыбалке не просто скрасил нашу жизнь, а наполнил её смыслом*»⁹; «*Охота для меня – это способ познания мира. Приезжая на охоту, ты открываешь новые страны, знакомишься с их культурой. Вряд ли кто-то будет спорить с тем, что охота – это часть культурно-исторического наследия*»¹⁰.

Выводы. Итак, преобладающий медиатекст специализированных журналов об охоте репрезентирует традиционные смыслы концепта *охота*, обнажая смысловые нюансы данного феномена. Осуществлённый лингвокультурологический анализ медиатек-

⁷ Саулюс Филиповичус: Охота для меня – это просто способ жизни // Основной инстинкт. – 2011. – № 1–2. – С. 62.

⁸ Владимир Рушайло: Охотничий кодекс надо читать // Основной инстинкт. – 2012. – № 3. – С. 63.

⁹ Герман Арбугаев: Занимаюсь любимым делом // Основной инстинкт. – 2012. – № 1–2. – С. 54.

¹⁰ Франк Ценгерле: Охота – это способ познания мира // Основной инстинкт. Охота и рыбалка по всему миру. – 2012. – № 7. – С. 59.

ста, постулирующий неразрывное единство языка медиапроизведения и национальной картины мира, подчёркивает ментальную востребованность и актуальность репрезентированных смыслов концепта *охота* для языковой личности автора медиатекста, героя интервью и потребителя.

Охота представляет собой сущностную часть этнокода, знаковую реалию культуры человека, некую систему регулирования поведения человека на основании его цен-

ностей. Аксиология концептуализированной сферы *охота* имеет многоуровневую структуру и включает рекреационный аспект (охота как вид досуга и отдыха); природный (охота как базовая потребность в пище, как реализация агрессивного инстинкта); социальный (охота как социальная занятость и демонстрация определённого статуса, как профессия, приносящая доход); культурный (охота как традиция), что отражено на рисунке.

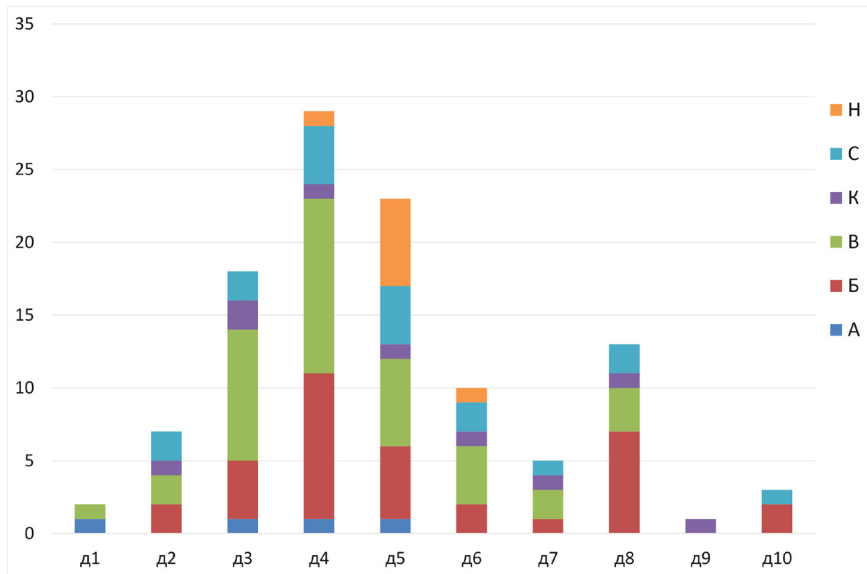

Рисунок. Потребности в охоте: д1 – физиологическая (пища, голод); д2 – безопасность (защита); д3 – любовь, принадлежность, привязанность; д4 – потребность в уважении (уверенность в себе, в партнёре); д5 – самоактуализация в любой форме, выражающей достижения; д6 – когнитивная потребность (желание знать, понимать); д7 – эстетическая потребность и красота; д8 – культура и этническая специфика; д9 – немотивированное поведение (агрессия); д10 – здоровье и здоровый образ жизни. Герой интервью: А – артист; Б – бизнесмен; В – представитель власти; К – культовая фигура (священник); С – специалист; Н – профессия неизвестна

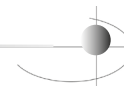
Figure. Needs in hunting: д1 – physiological (food, hunger); д2 – security (safety); д3 – love, belonging, affection; д4 – esteem need (self-confidence, confidence in partner); д5 – self-actualization in any form expressing achievements; д6 – cognitive need (desire to know, to understand); д7 – aesthetic need and beauty; д8 – culture and ethnic specificity; д9 – unmotivated behavior (aggression); д10 – health and healthy lifestyle. Interview character: А – an actor; Б – a businessman; В – a public official; К – a cult figure (a priest); С – a specialist; Н – unknown profession

Конечно, спектр представленных в статье фреймов концептуальной схемы *охота* далеко не полный. Ядерные семы данного концепта основываются на богатстве внутреннего мира человека творческого, на его личностных маркерах, отличающих его от животных. Личность и охота непременно связаны через категории творчества и свободы, а также – непреодолимой дихотомией жизни и смерти. И если свободу можно транслировать «как развитую способность человека преодолевать препятствия, действовать не только согласно известным стереотипам, но и применительно к неповторимым ситуациям»¹, то

охоту возможно репрезентировать как когнитивное пространство смыслопорождающих вопросов бытия человека, как ситуацию его выбора на «перекрестке духа и плоти».

Охота – один из убедительных примеров и ярких форм преодоления слабой природы тела и усиления духовных способностей человека. Синергетика *охоты* объединяет тело и дух, культ «технэ» (в его настойчивых обращениях к использованию особого вида оружия, снаряжения, техники, особой одежды) и вечного горячего желания постигнуть истину жизни особым «радарным» отзвуком природы.

¹ Давыдов В. В. Лекции по общей психологии: учеб. пособие для студ. вузов. – 3-е изд. – М.: Академия,

Список литературы

1. Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. М.: Гнозис, 2007. 512 с.
2. Бердяев Н. А. Судьба России. М.: Советский писатель, 1990. 346 с.
3. Бочарников В. Н. Философия и пространство охоты // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства. 2016. № 3. С. 57–66.
4. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 408 с.
5. Воркачев С. Г. Культурный концепт и значение // Труды Кубанского государственного технологического университета. Сер. Гуманитарные науки. 2003. Т. 17, вып. 2. С. 268–276.
6. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. М.: Academia, 1998. 430 с.
7. Жилиякова Э. М., Хохлова Н. А. Концепт Охоты в «Записках ружейного охотника Оренбургской губернии» С. Т. Аксакова // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 3. С. 52–62.
8. Зарезина С. Н., Дударев Д. В. Содержание концепта “Russian hunting” в языковой картине мира американцев // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2011. № 1. С. 94–99.
9. Ильин И. А. Путь к очевидности. М.: Республика, 1993. 431 с.
10. Карасик В. И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 406 с.
11. Колесов В. В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. 240 с.
12. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. 3-е изд., испр. М.: Флинта: Наука, 2007.
13. Москальчук Г. Г., Манаков Н. А. Форма текста как многоуровневый конструкт // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 4. С. 291–302.
14. Петров М. К. Язык, знак, культура. Изд. 2-е, стер. М.: Едиториал УРСС, 2004. 328 с.
15. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.
16. Целыхова Е. К. Особенности отражения языковой картины мира в охотничьем подъязыке // Вестник Московского государственного педагогического университета. Сер. Филология. Теория языка. Языковое образование. 2009. № 1. С. 113–118.
17. Freud S. Formulation on the principles of mental functioning / S. Freud. London: Complete Works: Hogarth Press, 1958. Vol. 12.
18. Lippman W. Public Opinion. New York: Harcourt, 1922.
19. Welt in der Sprache / Hrsg. von E. A. Pimenov, M. V. Pimenova. Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2005. Bd. 11. 540 p. (Reihe “Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik”).
20. Wierzbicka A. The semantics of grammar. Amsterdam: Philadelphia, 1988.
21. McLuhan M. Understanding Media: Extensions of Man. London: Routledge, 1994.

Статья поступила в редакцию 15.12.2017; принята к публикации 09.01.2018

Библиографическое описание статьи

Ерофеева И. В., Бочарников В. Н. Охота как рефлексия человека в концептуализированной сфере дискурса специализированных журналов // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 1. С. 144–152. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-1-144-152.

Irina V. Erofeeva¹,

*Doctor of Philology, Associate Professor,
Transbaikal State University*

*(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: irina-jour@yandex.ru*

Vladimir N. Bocharnikov²,

Doctor of Biology, Professor,

*Pacific Institute of Geography Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences
(7 Radio st., Vladivostok, 690041, Russia),
e-mail: vbocharnikov@mail.ru*

Hunting as Person's Reflection in Conceptualized Sphere of Specialized Magazine Discourse

The paper presents linguocultural analysis of discourse of magazines *Osnovnoy instinkt*, *Russkiy okhotnichiy zhurnal*, *Safari*. We have studied the etymology of the concept ‘okhota’ (hunting). The method we applied involved the analysis of more than 70 media texts of different genres published in 2013–2017, and determination of the main frames in conceptual sphere of ‘hunting’ as a geographical space which is in demand, as a social and cultural construct reflecting the hunter’s needs in direct and indirect contexts. We characterize the revealed frames of

¹ I. V. Erofeeva collection of information, analysis of research material, preparation of the manuscript.

² V. N. Bocharnikov collection of information, analysis, and systematization of research material.

conceptualized sphere of 'hunting', which simultaneously represent personal constructs and the national world model. Hunting as a concept reveals different levels of basic human needs, objectifies sources of his activity as a personality, reflects a hierarchy of values of a separate man and society in general, i. e. some common beliefs, ideals, inclinations and interests. The key image accumulating the concept's cognitive inventory is the hunter's personality, the key construct is a seme of "awakening the personal potential by means of hunting", recognition and opening oneself when dealing with the nature. Media discourse on hunting demonstrates person's reflection on important categories of his existence, reveals person's attitude to himself and the others. The person and hunting are certainly connected through the categories of creativity and freedom, as well as via overwhelming life and death dichotomy. As a result, the conceptualized scheme of 'hunting' consists of a number of frames of multidimensional character: recreational (hunting as type of leisure and recreation); natural (hunting a basic need in food, protection, realization of aggressive instinct, i. e. tracking and chasing of game); social (hunting as social employment, as demonstration of a certain status, as an income job); cultural (hunting as a ritual activity, as a tradition of separate nationalities).

Keywords: media text, hunting, concept, frame, national model of the world, self-actualization, personal representation

References

1. Anthology of concepts. Karasika, V. I., Sternina I. A., editors. M: Gnozis, 2007. (In Rus.)
2. Berdyaev, N. A. The fate of Russia. M: Sovetskij pisatel', 1990. (In Rus.)
3. Bocharnikov, V. N. Philosophy and the space of hunting. Humanitarian aspects of hunting and hunting economy, no. 3. pp. 57–66, 2016. (In Rus.)
4. Vezhbitskaya, A. Language. Culture. Cognition. M: Russkie slovari, 1996. (In Rus.)
5. Vorkachev, S. G. Cultural concept and meaning. Proceedings of the Kuban State Technological University. Ser. Humanitarian sciences. T. 17, vol. 2, pp. 268–276, 2003. (In Rus.)
6. Gachev, G. D. National images of the world. M: ACADEMIA, 1998. (In Rus.)
7. Zhilyakova, E. H. M., Khokhlova, N. A. Concept of the Hunt in "Notes of the Gun Hunter of the Orenburg Province" by S. T. Aksakov. Bulletin of Tomsk State University, no. 3 (23), pp. 52–62, 2013. (In Rus.)
8. Zarezina, S. N., Dudarev, D. V. The content of the concept "Russian hunting" in the language picture of the world of Americans. Bulletin of the Irkutsk State Linguistic University, no. 1, pp. 94–99, 2011. (In Rus.)
9. Il'in, I. A. The way to evidence. M: Respublika, 1993. (In Rus.)
10. Karasik, V. I. Language keys. M: Gnozis, 2009. (In Rus.)
11. Kolesov, V. V. Language and mentality. SPb, «Peterburgskoe Vostokovedenie», 2004. (In Rus.)
12. Maslova, V. A. Introduction to Cognitive Linguistics. 3-e izd., ispr. M: Flinta: Nauka, 2007. I (In Rus.)
13. Moskal'chuk, G. G., Manakov, N. A. The form of the text as a multi-level construct. Knowledge. Understanding. Skill, no.4, pp.291–302, 2014. (In Rus.)
14. Petrov, M. K. Language, sign, culture. Izd-e 2-e, stereotipnoe. M: Editorial URSS, 2004. (In Rus.)
15. Stepanov, Y. S. Constants: dictionary of Russian culture. Experience of research. M: SHkola «Yazyki russkoj kul'tury», 1997. (In Rus.)
16. Tselykhova, E. K. Features of the reflection of the language picture of the world in the hunting sublanguage. Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series Philology. Theory of language. Language Education, no. 1, pp. 113.-118, 2009. (In Rus.)
17. Freud, S. Formulation on the principles of mental functioning London: Complete Works, Hogarth Press, 1958. Vol. 12. (In Engl.)
18. Lippman, W. Public Opinion. NY: Harcourt, 1922. (In Engl.)
19. Welt in der Sprache. Hrsg. von Pimenov, E. A., Pimenova, M. V. Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2005. (Reihe «Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik». Bd. 11). (In Engl.)
20. Wierzbicka, A. The semantics of grammar. Amsterdam: Philadelphia, 1988. (In Engl.)
21. McLuhan M. Understanding Media: Extensions of Man. McLuhan. London: Routledge, 1994. (In Engl.)

Received: December 15, 2017; accepted for publication January 9, 2018

Reference to the article

Erofeeva I. V., Bocharnikov V. N. Hunting as Person's Reflection in Conceptualized Sphere of Specialized Magazine Discourse // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No.1. PP. 144–152. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-1-144-152.